

**ЛОГОС И RATIO: ВЛАДИМИР ЭРН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ***

О.А. ЖУКОВА

**1. О неославянофильстве и европеизме в философском опыте
В.Ф. Эрн: проблема интерпретации**

Владимир Францевич Эрн — один из самых талантливых русских мыслителей начала XX в. — в истории русской интеллектуальной культуры оказался явно недооцененным. Изменить точку зрения на философское наследие Эрн до сих не позволяет закрепившееся за ним идеологическое клеймо приверженца «неославянофильства». Оно возникло в пылу полемики об исторических судьбах России и Европы, о сущности национальной культуры, составившей идейный нерв русской мысли начала XX в., ее сквозную тему. Яркие представители той эпохи — Н. Бердяев, А. Белый, З. Гиппиус, И. Ильин, Д. Мережковский, Ф. Степун, С. Франк использовали понятие «неославянофильство» с очевидным смысловым оттенком, как синоним антизападничества. Сложившийся стереотип восприятия фигуры Эрн продолжает оказывать влияние на отношение современных исследователей к его философским трудам. Эта ситуация во многом предопределяет горизонт ожиданий исследователей и результат их работы. Анализ текстов о творчестве Эрн показывает, что изучение его философского наследия и интеллектуальной биографии в отечественной и зарубежной научной литературе, посвященной истории русской мысли, мало продвинулось в концептуальном плане. Авторы по-прежнему сосредоточены на выявлении неославянофильского комплекса воззрений Эрн в логике критики неозападников — философских и религиозных публицистов либерального крыла — оппонентов сильных, но, зачастую, беспепелляционных. Однако «прокрустово ложе» славянофильской идеологии никак не подходит для такого *глубокого знатока европейской культуры*, каким был Эрн. Сомнительная «слава», к созданию которой причастен ряд выдающихся авторов Серебряного века, кажется тем более несправедливой, поскольку в эмиграции многие из ярых критиков Эрн повторили и развили его аргументацию о значении русской религиозной метафизики. Но клеймо поборника «омертвевшего предания», едва

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-05-0017) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ли не ретрограда и националиста, так и закрепилось за ним в истории русской философии.

В этом контексте представляется необходимым и своевременным существенно пересмотреть роль и значение Эрна в истории русской и европейской мысли на основании анализа его собственной исследовательской стратегии, раскрывающей исходные посылки его интеллектуального творчества. На наш взгляд, подобная процедура смысловой реинтерпретации философского опыта Эрна и ревизии его идейного наследия связана с выявлением в рамках неославянофильского дискурса *оригинальной философской программы* синтеза европейской и русской интеллектуальной культуры. Фундаментальным основанием философского синтеза, осуществленного Эрном в его работах, выступает *христианская традиция метафизики*. Единство России и Европы он усматривает в истоках христианской веры и античной философии, смысловое и ценностное взаимодействие которых создало базис европейской цивилизации, чьим плодом являются как европейские, так и русская культуры. Подчеркивая самостоятельное значение русской философии как носительницы восточно-христианского онтологизма, Эрн в своей критике западного рационализма, философски манифестирующего себя в *картезианстве, имманентизме, феноменологизме, прагматизме, позитивизме, социализме и атеизме*, на самом деле защищает христианскую традицию как Востока, так и Запада. Противники Эрна, усмотревшие в его риторике проповедь антиевропеизма и национально-культурное самолюбование, не смогли услышать и понять главного — последовательно развиваемую мысль о *возможном единстве русской и европейской культуры* как культуры христианской, допускающей и признающей опыт разума и опыт веры. В этом смысле роль антизападника совершенно не соответствует Эрну, хотя и была ему навязана, чему немало содействовала война Германии и России, обострившая споры русских философов о *духовных началах* русской и германской культуры, об онтологической природе русской и европейской мысли. Увидеть сквозь борьбу идеологических дискурсов подлинное высказывание философа означает произвести реконструкцию его религиозно-философской программы и охарактеризовать формулируемые Эрном философские концепты как лично значимые, связанные с процессом духовной и интеллектуальной самоидентификации.

Преодолеть идеологически ангажированную оценку наследия Владимира Эрна поможет изучение корпуса его исследований западноевропейской и античной мысли, в котором особое значение имеют работы, посвященные *католической философии* первой половины XIX в. Для характеристики исследовательского стиля философа отметим, что на протяжении всего недолгого, но чрезвычайно продуктивного творческого пути Эрн демонстрирует прекрасную выучку профессионального ученого, обладающего незаурядной эрудицией и навы-

ками критического мышления, блестяще владеющего философским аппаратом и методами теоретического анализа. Философский талант Эрна проявился уже в период обучения в университете, где он обратил на себя внимание исследованиями сочинений Беркли и Иустина Мученика, сосредоточившись на выявлении онто-гносеологических оснований западной философии Нового времени и раннехристианской мысли. Эти две линии исследований — новоевропейская и антично-христианская традиции философствования — составят главную драматургию интеллектуального поиска, два философских сюжета, которые приведут Эрна к формулированию *программы христианского универсализма* с ее главным тезисом о культурной и духовной общности Европы и России. Вот почему оценка Эрна, спровоцированная полемикой, в которой он предстал, скорее, как оригинальный публицист, энергично отстаивающий идейно не близкую для многих точку зрения, *не проясняет глубинных интуиций его философского поиска.*

Отмечаемая критиками склонность Эрна к публицистической форме предъявления своих взглядов, становится часто повторяемым аргументом, позволяющим оппонентам принизить собственное значение философской мысли автора «Борьбы за Логос». Однако еще большее неприятие вызывало именно пафосное, полемически заостренное противопоставление, *как это тогда воспринималось*, Запада и Востока, Европы и России, артикулированное Эрном через метафизический конфликт *рацио и логоса* — двух типов мировоззрений и отношений человека к миру, двух типов культур, оформившихся в истории христианской цивилизации. Нет ничего удивительного, что обозначаемый философом конфликт «меонизма» и «логизма», в терминологии Эрна, его оппонентам легко и удобно было «идентифицировать» и возвести к парадигмальному для русского сознания противопоставлению западничества и почвенничества и, в конечном итоге, философской рациональности и религиозности.

Последовательная защита религиозных основ национальной культуры и философии, а вместе с этим отстаивание самоценности восточно-христианского умозрения, или философии Логоса, приводила противников Эрна в священное негодование и заставляла оттачивать аргументацию в пользу европейской философии и культуры, *якобы ниспровергаемой* Эрном. «Призрак» славянофильства в лице Эрна обретал свое новое интеллектуальное «воплощение». Создавая вокруг его идей общественное мнение, талантливые оппоненты Эрна отвели темпераментному философу и публицисту роль лидера «неославянофильства». В борьбе старых и новых культурфилософских схем понимания взаимоотношений между Россией и Европой, русской и германской мыслью *европеизм Эрна был попросту не замечен*, если не проигнорирован. Позже некоторые из интеллектуалов-эмигрантов, пережившие революцию 1917 г., проделали трудную работу духовного

и исторического самопознания, расставаясь с собственной дуальной схемой, ограничивавшей их «порог восприятия» идей Эрна.

Проясняя специфически возникшую ситуацию с наследием Эрна, мы настаиваем на необходимости переоценки его творчества и новой интерпретации вынашиваемой им философской программы, которая, безусловно, является оригинальной авторской *версией русского европеизма*. Пожалуй, только в одном важном моменте мы можем признать правомочность рассмотрения его наследия в линии преемственности с идеями славянофилов. Эрн солидаризируется с идеологами национальной самобытности в акте публичной защиты русской духовной традиции и оригинальности русской мысли, доказывая несводимость ее содержания к опыту освоения западного интеллектуализма, добиваясь признания универсальной ценности и самостоятельного значения русской философии для мировой культуры. Специально заметим, что сам автор «Борьбы за Логос» указывал на расхождение с основными онтологическими и философско-политическими положениями славянофильской доктрины¹. В контексте поставленной проблемы, как нам представляется, задача для историка философии будет заключаться в *целостном анализе* творчества Эрна, в создании объемной интерпретационной модели, выявляющей не только главные и второстепенные смысловые линии, но и фоновые, отличающие обертоны смысла от контекстуальных «шумов». Речь идет о такой исследовательской стратегии, которая бы позволила провести разграничение между *философской полемикой и философской программой*, осуществить *процедуру «расстояждествления» текста и контекста* в интеллектуальной биографии мыслителя и публициста, настроив исследователей на иную оптику восприятия и понимания его творчества.

Наибольшую сложность в демаркации границ между славянофильством «означаемым» и «означающим» представляет ряд выступлений и статей Эрна, в которых славянофильский дискурс начинает доминировать, что, на первый взгляд, дает повод причислить Эрна к последователям и апологетам старых почвенников, построивших свою идеологию на критике и неприятии заимствованных европейских образцов культуры. Эрн действительно будоражит просвещенное русское общество заявлением, что национальный вопрос стал идейным знаменем времени, которое «славянофильствует». Однако славянофильская идентификация автора знаменитой речи «От Канта к Крупну» – результат *идеологического конструирования* его оппонентами ряда философско-теоретических выводов и историософских наблюдений Эрна, которые были спровоцированы мощным геополитическим конфликтом между Россией и Германией. Интеллектуально и морально отвечая на этот вызов, положения, выдвигаемые Эрном, никак не являлись *выражением непримиримой антиевропеистской позиции*. Знаменитый тезис «время славянофильствует», давший вместе с

другими публичными докладами и публикациями военного периода прямой и раздражающий повод обвинить Эрн в антизападничестве, философ развил в двух одноименных лекциях. Прочитанные в январе и феврале 1915 г., они прозвучали в самый разгар войны, которая вовлекла европейские страны в тяжелый мировой конфликт. Емкая метафора блестящего оратора и полемиста, направленная на защиту государственного и национально-культурного суверенитета России перед лицом сильнейшей опасности, исходившей от Германии, *на самом деле* обозначила водораздел в восприятии русскими Европы. В оценке Эрн война разделила ее на *Европу* культуры, духовных и художественных святынь, и *Европу*, подпавшую под влияние деонтологизированного германизма, с «его внутренним бездушием и бессмыслием», но с «убийственной логикой немецкой аргументации»².

Эрн призывал увидеть этот трагический надлом Европы — «воспалительный процесс», который объективировался в «подъявшем меч германизме»³. Для Эрн было очевидно, что меч германизма был занесен не только над православной Россией, но и над Европой, которая была дорога русским как «страна святых чудес». Цитируя знаменитый фрагмент из «Дневника писателя» Достоевского об искренней сердечной любви славянофилов ко всему великому и прекрасному, совершенному европейскими племенами⁴, Эрн подчеркивал внутренний антиномизм отношений русских к Европе. Она привлекала и отталкивала одновременно, пугала «двусмысленною серединою европейской цивилизации» и манила «родственными и близкими святынями»⁵. Политический союз России со странами Европы против милитаристских притязаний Германии, по Эрну, был оправдан высотой духовных целей, объединяющих «не на ненависти к общему врагу, а на любви и привязанности к родственным и близким святыням»⁶. Сама же война в перспективе будущего представляла прологом новой эпохи, в которой Россия и Европа неизбежно должны были осознать свое родство, выступив в качестве творцов мировой истории: «Как бы ни была значительна и огромна война, — замечал Эрн, — с более общих точек зрения судеб Европы и России она все же представляется только началом нового периода истории, в котором духовные силы Востока и Запада станут в какие-то новые, творческие и небывалые еще соотношения, и Европе в дружном сотрудничестве с Россией придется пересмотреть, в свете пережитого «онтологического» опыта войны, все основы своего духовного бытия и найти новые пути дальнейшего культурного и духовного развития»⁷.

Возможность объединения России и Европы на основе почитания культурных и духовных святынь была для Эрн не только чаемой надеждой, но предуготовляемым близким настоящим. Более того, она была для философа конкретной духовной и интеллектуальной задачей! Для ее решения нужно было избавить Европу от ее «двойника», губящего душу и ум культуры, разлучающего человека с природой и Богом.

Эрн боялся, что восставший антиметафизический двойник Европы, бряцающий «орудиями Круппа», умертвит ее христианский дух. Свою задачу борьбы за Европу Эрн сформулировал весьма отчетливо: «Во имя Запада онтологического мы должны пребывать в непрерывной, священной борьбе с Западом феноменологическим. И, любя бесмертную душу Запада, чувствуя свое умопостигаемое единство с его субстанцией, мы должны насмерть бороться с дурными, внутренне гнилостными модусами его исторических манифестаций»⁸.

Провозглашенная Эрном защита онтологической, подлинно христианской Европы от Европы феноменологической, выносящей реальность Абсолюта за скобки, понятая мыслителем как основная стратегия духовно-интеллектуальной работы, позволяет сделать важный вывод. Новый опыт прочтения жизненного пути и творческого поиска Владимира Эрна возможен сквозь призму поставленной себе задачи отыскания и установления внутреннего онтологического и культурного единства Европы и России, западной и русской мысли. По сути это была идея духовно-культурного синтеза в рамках западной и восточной традиций христианства, определявшего цивилизационную матрицу России и Европы, ее систему ценностей и политическую философию. В творческом сознании Эрна идея положительного синтеза первоначально проявляла себя на уровне общекультурной интуиции. Постепенно она кристаллизовалась в убеждения и получала философскую огранку в его теоретических и историко-философских исследованиях, посвященных, прежде всего, европейской философии Нового времени.

2. Европейский рационализм и католическая философия в исследованиях В.Ф. Эрна: от Беркли к Джоберти

Оставаясь глубоко верующим членом православной церкви, Эрн ментально и профессионально был носителем культуры европейского модерна. Европейский модерн с его социально-философской и научной традицией рациональности, с его эстетически развитыми формами светской культуры и авторского творчества в России начала XX в. осваивался, скорее, не на уровне политических установлений и институтов, а на уровне интеллектуального и духовного опыта русских художников, писателей, мыслителей. Именно эту линию синтеза русской и европейской культуры Владимир Эрн унаследовал от предшествовавшей генерации русских европейцев во главе с В.С. Соловьевым, подхватив эстафету от своего выдающегося учителя С.Н. Трубецкого — друга и последователя Соловьева. Участник семинаров Трубецкого по античной философии, а затем Студенческого историко-филологического общества при Московском университете, созданного также по инициативе князя Трубецкого⁹, еще в студенческую пору Эрн зарекомендовал себя как яркий оратор и увлеченный исследователь, высоко оцениваемый учителями¹⁰.

События Первой русской революции 1905 г. отвлекли Эрн от занятий кабинетной философией и раскрыли в нем способность и стремление к активной общественной борьбе. Как организатор «Христианского братства борьбы» Владимир Эрн вместе с Валентином Свенцицким и Сергеем Булгаковым выступил в качестве лидера христианского социалистического движения в России. Религиозно-политические идеи «Братства», направленные на правовую и духовную гармонизацию отношений между православием и самодержавием в духе европейских конституционно-демократических ценностей, явились важным этапом в формировании философской программы христианского универсализма Эрн. Владимиру Эрну также принадлежит одна из ведущих ролей в организационном и идейном оформлении Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Именно в рамках научной и издательской деятельности МРФО Эрн начинает отстаивать ценность русской мысли, ее «логизм», продолжающий традицию совершенного восточными и западными отцами Церкви синтеза античной философии и христианского откровения. Критически оценивая философию Нового времени с ее рационалистическим выхолащиванием христианской онтологии, Эрн высказывается резко дискуссионно. Задетые критическими суждениями Эрн о столпах европейской мысли, коллеги по цеху не могут адекватно оценить программный замысел и применяемый философом аналитический метод. Закономерно, что бывший религиозный активист, противопоставляющий русскую религиозную мысль западному автономному разуму, видится им едва ли не реинкарнацией антизападнического крыла «самобытников».

Что же представляют собой работы Эрн 1910-х гг., вызвавшие такой общественный резонанс, и можно ли назвать талантливое исследование европейской мысли антизападником в духе церковно-общинной философии старших славянофилов? Опубликованные в различных периодических изданиях, выступления и статьи этого периода были включены Эрном в книгу «Борьба за Логос» (1911). Пронизанные борьбой за исповедуемую мыслителем христианскую философию, эти тексты отражают направленность философского поиска автора. Они демонстрируют многообразие анализируемых тем и сюжетов европейской философии, высказывания по поводу которых, как правило, привязаны к конкретным исследовательским, педагогическим, просветительским, философско-критическим, публицистическим задачам. Тем не менее все тексты находятся в едином проблемном поле, что позволило Эрну объединить их в общий замысел книги и предъявить ее как *своеобразный философский манифест*. В жанровом отношении тексты книги могут быть охарактеризованы как самостоятельные статьи, рассматривающие ключевые проблемы современной философии. Так, открывающая книгу глава «Размышления о прагматизме»¹¹,

свидетельствует об интеллектуальном чутье и прозорливости автора, способного не только оценить новые философские идеи и направления, но и предвидеть превращение позитивизма в действенную идеологию массового общества. Две следующих главы «Беркли как родоначальник современного имманентизма» и «Природа философского сомнения»¹², показывая эвристический и творческий потенциал критического мышления, демонстрируют ход мысли автора в формулировании центрального тезиса о современной философии. Эрн отсылает читателей к традиции Бэкона и Декарта, которые стоят у истоков новоевропейской мысли, «не признающей природы как Сущего»¹³.

Обсуждая метаморфозы рационализма, ведущего к меоническому, иначе — деонтологизированному, состоянию ума и души, Эрн показывает трансформацию этих идей в политическую философию и практику современной Европы. Именно этой теме посвящена статья «Социализм и проблема свободы»¹⁴. Согласно Эрну, социализм привлекает массы идеей свободы. Но в основе философии социализма — утверждение позитивистской картины мира и, как следствие, отказ от христианской метафизики. Вывод Эрна однозначен: социализм как монополярный борец за свободу несостоятелен в своих претензиях. Без личного бессмертия свобода лишается онтологического статуса. Свободу можно обнаружить только в духовной картине мира, мужественно признав правду Христа, свет его победы над смертью. Вне радостной веры в воскресшего Христа, провозглашает Эрн, «нет свободы ни личной, ни общественной, ни космически-вселенской...»¹⁵

Для характеристики исследовательской программы Эрна особый интерес представляют четвертая и пятая главы книги «Нечто о Логосе, русской философии и научности» и «Культурное непонимание», последняя имеет подзаголовок «Ответ С.Л. Франку». В жанровом отношении — это в чистом виде полемические философские статьи, демонстрирующие оригинальный авторский стиль ведения публичной философской дискуссии. В них раскрывается талант полемиста, обладающего не только блестящим литературным стилем, но и силой философской аргументации, основанной на глубоком знании предмета и впечатляющем уровне профессиональной и общей гуманитарной культуры.

Глава «Нечто о Логосе, русской философии и научности. По поводу нового философского журнала “Логос”» была первоначально опубликована в № 29–32 «Московского еженедельника»¹⁶ в виде критической статьи, поводом для написания которой стал выход в свет международного ежегодника по философии культуры «Логос», за которым стояла группа новых западников во главе с С.И. Гессеном, Ф.А. Степуном и Б.В. Яковенко. Программа авторов «Логоса», предложенная поклонниками современной западноевропейской мысли в духе неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта, ставила целью посеять в русской

интеллектуальной культуре зерна «подлинной научной философии». Теоретическим обоснованием программы выступала тотальная критика русской философской традиции. Авторы пытались доказать, что русская мысль не обладала необходимым философским инструментарием, была «несвободна», не имела ярких философов, а только лишь философски одаренных «личностей», не создала систем, претендующих на научность и вообще не имела самостоятельного значения, особенно в области гносеологии¹⁷.

Выступление Эрн на страницах «Московского еженедельника» с разоблачением несуразностей в мышлении и представлении идеологов новой научной философии вызвало волну ответных возражений, среди которых были критические статьи С.Л. Франка и А. Белого¹⁸. Открыв полемику по поводу самоопределения русской философии в контексте истории европейской мысли, уже постфактум, в процессе создания книги, Эрн счел необходимым дать пояснение к развернувшейся дискуссии. Примечательно, что свой текст в «Московском еженедельнике» он определяет как статью, написанную бегло, «по поводу», однако отмечает, что развиваемые в ней взгляды и положения составляют центральную линию авторского творчества: «Поэтому опрометчиво поступают те критики, — указывает Эрн, — которые считают ее за какое-то окончательное *credo*, к которому ничего не может быть добавлено. Слишком ясно, — продолжает автор, — что это не систематический трактат по всем вопросам теоретической философии, а *критическая* статья, опирающаяся на ряд философских, исторических и гносеологических положений, здесь же высказанных. Я считаю, — заключает Эрн, — что критика всегда опирается, сознательно или бессознательно, на *положительные* воззрения и сильна лишь в той мере, в какой *сильны эти воззрения*. Вот почему параллельно с критической частью у меня идут утверждения»¹⁹.

На наш взгляд, Эрн весьма точно характеризует свой главный принцип исследователя — это критика, опирающаяся на внутренне непротиворечивые, глубинно выношенные убеждения и представления, которые он называет «воззрениями». Данный принцип определяет устойчиво повторяющийся композиционный прием и идейно-смысловую конструкцию текстов, при котором критический момент в оценке взглядов европейских философов важен для формулирования основного авторского тезиса-утверждения. Жанр полемической статьи, в рамках которого Эрн высказывался о Бэконе, Декарте, Беркли, Канте, Гегеле, Шеллинге, Джемсе, Гарнаке, Виндельбанде и Риккерте, наиболее соответствовал как внутреннему темпераменту, так и особенностям его мышления с развертыванием текста-высказывания в *диалектическом сопоставлении двух логик* — аналитико-критической и утвердительно-апологетической.

Эти исследовательские навыки были применены Эрном в работе с наследием крупнейших итальянских мыслителей первой половины

XIX в. — Антонио Розмини-Сербати (1797—1855) и Винченцо Джоберти (1801—1852). Изучение католической мысли придало новый импульс теоретическим изысканиям Эрна, внося историко-философский элемент в его научный опыт. Это во многом уточнило программу Эрна и определило ее духовный и философский горизонт.

Итальянская философия привлекла внимание Эрна уже на рубеже 1909—1910 гг. В «Новом энциклопедическом словаре» в 1910 г. выходят две его статьи «Джоберти»²⁰ и «Итальянская философия»²¹. Почему итальянские философы-католики стали предметом исследования Эрна, каким образом богатейшее культурное и историческое наследие античного Рима и современной Италии повлияло на мировоззрение и философские взгляды молодого русского интеллектуала? Ответы на эти вопросы, по нашему мнению, позволяют выявить генезис онтологических и культурно-исторических воззрений Эрна, по-новому оценить направленность его философского поиска и его усилия по синтезированию ценностей европейской культуры и русской традиции религиозной метафизики.

Как перспективный ученый и преподаватель Эрн был отправлен за границу для подготовки магистерской диссертации. Зарубежная стажировка Эрна длилась два года, с 29 апреля 1911 по 18 апреля 1913 г. Молодой философ, зарекомендовавший себя как «человек многосторонней начитанности и даже учености, живой и даровитый писатель, с твердыми, ясно сложившимися убеждениями»²², как писали его учителя Л.М. Лопатин и Г.И. Челпанов в представлении Совету историко-филологического факультета Московского университета, в глазах философских патронов подавал большие надежды на будущее. Основанием для профессиональной стажировки за границей была избранная Эрном тема, охарактеризованная авторами документа как «всестороннее рассмотрение проблемы познания как в ее историческом развитии, так и в ее систематической нормальной постановке»²³, о чем сообщалось в заявлении профессоров Лопатина и Челпанова. При этом отмечалось, что приват-доцент В.Ф. Эрн хорошо владеет новыми языками, что позволит ему работать в библиотеках Парижа, Лондона и Флоренции, а также ознакомиться с современной философской мыслью в Германии.

Важным свидетельством об исследовательской программе магистерской командировки является прошение Владимира Эрна, адресованное историко-филологическому факультету университета. В прошении он четко обосновывает цели и задачи научной работы: «Избравши темой диссертации всестороннее рассмотрение проблемы познания, мне по ходу моих мыслей необходимо исследовать о том, как новая европейская мысль преобразовала античную идею... в свое понятие о природе. Для этого мне нужно изучить итальянскую натурфилософию переходного времени, малоисследованную по рукописным

материалам, хранящимся во Флоренции. Кроме того, мне необходимо исследовать историю античного Логоса в патристике и в философии Средних веков»²⁴. Следуя избранной стратегии, Эрн направляется в Италию, проводя изыскания сначала во Флоренции, затем в Риме. В ходе работы замысел магистерской диссертации изменился, но от общей задачи, изложенной в прошении, Эрн не отступил. Отказавшись еще до отъезда в Италию от исследования, посвященного философии Джордано Бруно, Эрн продолжал интенсивную работу по изучению современной онтологии и гносеологии, пытаясь ответить на вопрос, как новоевропейская философия переосмыслила и трансформировала античные идеи о природе и Логосе.

Результатом двухгодичной итальянской стажировки стала подготовленная философом магистерская диссертация по теме «Розмини и его теория знания», которая была успешно защищена в Московском университете 1 марта 1915 г. Обобщающая исследование Эрна монография «Розмини и его теория знания. Исследование по истории итальянской философии XIX столетия», положенная в основу диссертации, вышла в московском издательстве «Путь» в 1914 г. Итальянский философ-богослов, священник, впоследствии беатифицированный Ватиканом²⁵, привлек молодого ученого смелой попыткой анализа онто-гносеологических проблем современной философии и главенствующего в интеллектуальной культуре Европы Канта сквозь призму платонизма и августианства. Философская программа Розмини была призвана, по мысли ее создателя, послужить опорой Церкви в борьбе с разъедающим христианскую культуру секуляризмом, следствием которого стали атеизм и скептицизм. Свою теорию Розмини предпочитал определять как идеологический психологизм, в духе религиозного идеализма признавая факт бытия априорным, но согласовывая его с опытом самонаблюдения.

Посвятив работу Розмини, Эрн, по сути, впервые представил наследие итальянского автора российскому научному сообществу, не только указав на его значение и место в европейской интеллектуальной традиции, но и подчеркнув «интуитивное родство между некоторыми направлениями религиозно-философских течений в России и философией Розмини и его школы в Италии»²⁶. Несмотря на значительность проделанного труда, оппоненты и критики отметили некоторую модуляцию жанра — смену методологических подходов, произошедшую в ходе работы, ведь изначально план диссертации состоял в том, чтобы «на примере итальянских натурфилософов переходного времени выяснить... эволюцию мысли от античного понятия природы к картезианскому понятию материи»²⁷. Эта историческая ретроспекция нужна была Эрну, согласно формулировкам Л. Лопатина и Г. Челпанова, «для критического анализа проблемы познания, как она поставлена в новой философии»²⁸. Но Эрн в конечном итоге настолько увлекся

сочинениями католического мыслителя, что его труд получился скорее историко-философским, хотя в нем и был проделан тщательный анализ онтологических и гносеологических положений теории Розмини.

В докторской диссертации Эрн продолжил исследования итальянской философии, посвятив ее Винченцо Джоберти — яркой личности в истории католической Европы. Священник и философ, обладавший темпераментом политического деятеля, он внес значительный вклад в дело объединения Италии. В философии Джоберти отстаивал противоположные Розмини взгляды, стремясь освободить философию от навязанного нововременной мыслью психологизма, превращавшего онтологию в выводной элемент гносеологии. Выход из тупика рационалистической философии Джоберти видел в установлении некоей онтологической формулы, причастной реальности божественного Сущего. Непротиворечивое онтологическое высказывание, по мнению католического философа, воплощалось в формуле «Сущее творит существующее». Спор Розмини и Джоберти по вопросам онтологии и теории познания стал самостоятельным сюжетом исследований Эрна²⁹. В течение 1913–1916 гг. Эрн опубликовал в журналах «Богословский вестник», «Вопросы философии и психологии», «Русская мысль» ряд обстоятельных статей, раскрывавших различные аспекты философских теорий Розмини и Джоберти, успев подготовить и издать в 1916 г. монографию «Философия Джоберти»³⁰, основные идеи которой он намеревался защитить в качестве положений докторской диссертации. За три дня до объявленной защиты Владимир Эрн скончался от мучившей его долгие годы тяжелой болезни — пиелонефрита.

Итальянские исследования Эрна, бесспорно, показывают, что в его лице русская мысль приобрела талантливейшего, оригинального автора, но, увы, очень рано потеряла мыслителя, не успевшего вполне высказаться, что называется, *возвести здание своей философии*. Но движение мысли, некоторый план-схему построения целостной онто-гносеологической и историко-философской системы можно проследить достаточно отчетливо, соединяя интересовавшие Эрна сюжеты. Исследования по католической философии в этом контексте являются примером высокопрофессиональной работы мыслителя, сочетающего в себе гуманитарный кругозор историка философии и аналитические навыки теоретика, владеющего инструментарием логического и критического анализа, равно как и обладающего интуицией метафизика.

Подчеркивая значимость современной европейской религиозной философии в лице Розмини и Джоберти, Эрн, тем самым, показывал *возможность* подобного религиозно-философского синтеза на онтологической основе *восточного христианства*. Политический опыт Джоберти в духе *либерального католицизма*, преследовавшего цель политического самоопределения итальянской нации, был дополнительным аргументом, позволявшим Эрну проводить параллели с процессом

формирования российской культурной и политической нации. Можно сказать, что философский проект Эрна выростал в горизонте представлений о русско-европейском христианском синтезе, прообразом которого выступал Рим эпохи раннего христианства. Об этом говорят опубликованные Эрном в «Богословском вестнике» в 1912–1913 гг. «Письма о христианском Риме»³¹, представляющие собой весьма интересный, нетривиальный образец культурно-философской рефлексии.

Итальянские исследования В.Ф. Эрна, которые, наряду с незавершенной работой «Верхнее постижение Платона» стали кульминацией его философского творчества по сути свидетельствовали о наступлении периода интеллектуальной зрелости автора и обозначали перспективу развития философской системы Эрна. И даже в незавершенности этого проекта европейские исследования Эрна в области философии и религиозной метафизики раскрывают потенциал его программы, нацеленной на выявление общности онтологических истоков русской и европейской мысли и, в конечном итоге, на включение восточно-христианской традиции в интеллектуальный базис западноевропейской философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В.Ф. Соч. – М.: Правда, 1991. С. 80.

² Эрн В.Ф. Соч. С. 381.

³ Там же.

⁴ См. там же. С. 382.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 383.

⁸ Там же. С. 390.

⁹ Первое заседание Общества состоялось 16 марта 1902 г. После кончины кн. С.Н. Трубецкого (1862–1905) Общество стало носить его имя.

¹⁰ Особо стоит отметить проявляемый в университете интерес Эрна к вопросам истории и философии религии. Во многом благодаря настойчивой инициативе друзей-студентов Владимира Эрна и Павла Флоренского в 1904 г., в рамках Студенческого историко-филологического общества была организована специализированная секция Истории религии, в которой непосредственное и активное участие принимали В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий, П.А. Флоренский, А.В. Ельчанинов.

¹¹ Статья представляет собой текст доклада Эрна на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Реферат выступления 26 февраля 1910 г. лег в основу главы и был напечатан в №№ 17–18 «Московского еженедельника» за 1910 г.

¹² Статьи являются текстами открытых лекций, прочитанных Эрном в Московском университете 10 мая 1910 г. на получение права доцента. Оба

текста были опубликованы в центральном научно-философском издании России – в «Вопросах философии и психологии», кн. 103 и 105 за 1910 г.

¹³ Эрн В.Ф. Соч. С. 35.

¹⁴ Впервые напечатана в журнале «Живая жизнь» (1907. № 2).

¹⁵ Эрн В.Ф. Соч. С. 197.

¹⁶ Журнал «Московский еженедельник» был неофициальным органом «Партии мирного обновления» и выходил в Москве с 1906 по 1910 гг. при непосредственном участии кн. Е.Н. Трубецкого. Свои статьи в нем публиковали П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон и др.

¹⁷ См. подробнее: Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Книга Первая. – М.: Мусaget, 1910.

¹⁸ См.: Франк С. Философские отклики. О национализме в философии // Русская мысль. 1910. № 9. С. 162–171; Франк С. Еще о национализме в философии // Русская мысль. 1910. № 11. С. 130–137. См. также: Белый А. Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // Утро России. 1910. 15 октября. № 247. С. 2.

¹⁹ Эрн В.Ф. Соч. С. 71.

²⁰ Эрн В.Ф. Джоберти // Новый энциклопедический словарь. Т. 16. – СПб., 1910. Стб. 79–84.

²¹ Эрн В.Ф. Итальянская философия // Новый энциклопедический словарь. Т. 19. – СПб., 1910. Стб. 944–949.

²² Эрн В.Ф. Новые документы и материалы. Публикации и комментарии В.А. Волкова и М.В. Куликовой // Начала. Религиозно-философский журнал. 1993. № 3. С. 135.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 133–134.

²⁵ Папа римский Бенедикт XVI 26 июня 2006 г. подписал декреталию, в которой объявил Антонио Розмини-Сербати досточтимым. 18 ноября 2007 г. в Новаре Антонио Розмини-Сербати был причислен к лику блаженных.

²⁶ Утро России. 1915. № 60. С. 4.

²⁷ ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 390. Л. 45. Подлинник.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Эрн В.Ф. Спор о психологизме в итальянской философии // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 4. Паг. 2. С. 347–770; Т. 2. № 5. Паг. 2. С. 48–82; Эрн В.Ф. Спор Джоберти с Розмини // Известия Тифлиских высших женских курсов. Тифлис. 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 1–18.

³⁰ Эрн В.Ф. Философия Джоберти // Ученые записки Московского университета. Отдел историко-филологический. 1916. Вып. 44. С. 1–348. Также см.: Эрн В.Ф. Философия Джоберти. – М.: Путь, 1916. VI + 251 с.

³¹ Эрн В.Ф. Письма о христианском Риме. Письмо первое, вступительное // Богословский вестник. 1912. Т. 3. № 11. Паг. 2. С. 561–568; Эрн В.Ф. Письма о христианском Риме. Письмо второе. В катакомбах св. Валентина // Богословский вестник. 1912. Т. 3. № 12. Паг. 1. С. 760–771; Эрн В.Ф. Письма о христианском Риме. Письмо третье. В катакомбах св. Каллиста // Богословский

вестник. 1913. Т. 1. № 1. Паг. 2. С. 101–114; Эрн В.Ф. Письма о христианском Риме. Письмо четвертое. Санти-Джованни-е-Паоло. Папа Дамаз // Богословский вестник. 1913. Т. 3. № 9. Паг. 2. С. 77–86.

REFERENCES

- Ern V.F. *Selected Works*. Moscow, Pravda, 1991. 576 p. (in Russian).
Ern V.F. New documents and files. Ed. by V.A. Volkov and M.V. Kulikova. In: *Nachala*. Religious and philosophical journal. 1993. № 3 (in Russian).
Morning of Russia. Moscow. 1915. № 60 (in Russian).

Аннотация

Владимир Францевич Эрн занимает особое место в плеяде великих философов начала XX в. Линию синтезирования русской и европейской культуры он унаследовал от предшествовавшей генерации русских европейцев во главе с В.С. Соловьевым. Эрн являет собой подлинный образец русского европеиста, который ищет путь единства для России и Европы. Не случайно основным предметом его научных интересов стала итальянская мысль XIX в. Исследования трудов католических философов А. Розмини и В. Джоберти, осуществленные Эрном, внесли значительный вклад в русскую науку.

Ключевые слова: рационализм, Логос, гнозис, европейская культура, европеизм, социализм, русская православная традиция, католицизм, модерн.

Summary

Vladimir F. Ern holds a special place in the constellation of the distinguished philosophers of the early 20th century. He inherited the line of synthesis of Russian and European culture from the previous generation of Russian Europeans headed by V.S. Solovyev. Vladimir Ern is a true example of a Russian European who seeks the path of unity for Russia and Europe. Not incidentally, the main object of Ern's scientific interests was the Italian thought of the 19th century. His studies of the writings of Catholic philosophers A. Rosmini and W. Gioberti had made a significant contribution to Russian science.

Keywords: rationality, Logos, gnosis, European culture, Europeanism, socialism, Russian Orthodox tradition, Catholicism, modernity.